

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В отечественном законодательстве признание русского языка в качестве государственного впервые состоялось в 1991 г. с принятием Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».¹ Последовавшие за этим законом нормы Конституции РФ 1993 г. и нормы Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»² обеспечили развитие законодательных норм об утверждении государственного языка в Российской Федерации. Положения комментируемого Закона заставляют задуматься о целях, о пределах и возможностях законодательного регулирования статуса государственного языка, о значении такого регулирования.

Законодательное провозглашение основного языка страны государственным языком в советской литературе подвергалось критике. Идейной основой такой критики была статья В. И. Ленина «Нужен ли обязательный государственный язык»³ из цикла статей о национальном вопросе, опубликованная в 1914 г. В. И. Ленин критиковал попытки закрепить в законодательстве правила обязательного использования государственного языка, поскольку считал это ограничением прав граждан и предполагал негативную реакцию, которая может последовать в случае «насильного», «принудительного» насаждения государственного языка. В результате законодательство СССР и РСФСР, касавшееся применения языков, носило, как правило, мягкий, диспозитивный характер. В соответствии с ленинскими принципами гражданам обеспечивалось право на использование родного языка в сфере образования, печати и средств массовой информации, официального делопроизводства и судопроизводства.

Политика государства была направлена на то, чтобы обеспечить условия для развития национальных языков (в период так называемого «языкового строительства» в 1920–1930-е годы была создана письменность для более чем 50 языков СССР). В то же время обеспечивалось изучение и развитие русского языка как основного языка государства, языка большинства средств массовой информации, языка науки, культуры и образования.

С начала 1990-х годов соотношение законодательных и других мер по поддержке и защите языка стало меняться в пользу преобладания первых. Утрачивая многие позиции в отношении обеспечения изучения и развития русского языка, уступая перед действительным или кажу-

С. А. Белов
кандидат
юридических
наук,
доцент

¹Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.

²СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

³Пролетарская правда. 1914. 18 янв.

шимся вторжением в российскую культуру иноязычной (в основном англо-американской) культуры, государство стремится восполнить недостаток эффективных гарантий поддержки русского языка с помощью законодательных мер. Справедливости ради нужно отметить, что с 1996 г. до настоящего времени были приняты три федеральные целевые программы «Русский язык», предполагающие широкий комплекс разнообразных мероприятий. Две из них уже завершены в связи с истечением сроков реализации. На реализацию программ ежегодно выделялось финансирование из государственных бюджетов разного уровня, однако их успешная реализация, очевидно, требует законодательного обеспечения. Принятие комментируемого Закона было обусловлено сохранением угроз как пределам использования русского языка (в связи с расширением использования иностранных языков в рекламе, в бизнесе, в средствах массовой информации), так и угроз самому русскому языку — его лексическому составу, стилевой структуре, принципам и правилам литературной нормы.

Пределы обязательного использования государственного языка остаются предметом дискуссий. Бесспорно, что государственный язык — это язык государства, язык функционирования государственных органов, язык издания правовых актов государства, язык деятельности законодательной власти, государственной администрации и язык судопроизводства. Из положений комментируемого Закона следует, что в любых документах и в устной речи, касающихся как внутренних отношений в системе государственных органов, так и отношений государственных органов с гражданами и организациями, должен использоваться государственный язык.

Использование документов на иностранных языках во взаимоотношениях с государственными органами очевидно недопустимо. Правда, по вопросу о возможности предоставления в налоговые органы свифт-сообщений на иностранном языке без перевода как доказательства поступления выручки от иностранного контрагента арбитражные суды занимают противоречивые позиции. По мнению Федерального ар-

битражного суда Северо-Западного округа, налоговое законодательство обязанности по переводу таких документов на налогоплательщика не возлагает, и налоговый орган может либо потребовать обеспечить перевод, либо самостоятельно привлечь переводчика.⁴ В то же время при оценке обоснованности вычетов сумм налога на добавленную стоимость, указанных в счетах-фактурах, отдельные показатели которых заполнены на иностранных языках, налоговый орган не вправе принимать их во внимание и считать обоснованием произведенных вычетов.⁵

При подаче в государственные органы Российской Федерации официальные документы, выполненные на иностранном языке, должны сопровождаться обязательным переводом на государственный язык. Это касается представления документов и в органы исполнительной власти, а также представления документов в рамках судебных процессов в суды Российской Федерации.

Если в отношении языка документов, подаваемых в государственные органы, и существует какая-то неопределенность, то документы, исходящие от государственного аппарата, в любом случае должны составляться на государственном языке Российской Федерации. Это касается и писем, направляемых в ответ на обращения граждан, и официальных документов, выдаваемых государственными органами (в том числе паспортов, свидетельств о государственной регистрации и т. д.), и нормативных актов, издаваемых государственными органами. По справедливому мнению Верховного Суда РФ, опубликование нормативных актов на ином языке, нежели государственный язык Российской Федерации, не может считаться их официальным опубликованием, даже если речь идет об органах государственной

⁴ *Постановления* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 ноября 2006 г. по делу № А56-48100/2005, от 19 октября 2006 г. по делу № А56-55041/2005, от 2 августа 2004 г. по делу № А56-7694/04 и др.

⁵ *Постановления* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 апреля 2003 г. по делу № А56-26549/02, Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 февраля 2003 г. по делу № А19-3970/02-43-Ф02-159/03-С1 и др.

власти республик в составе РФ, установивших свои государственные языки.⁶

Государственный язык Российской Федерации остается рабочим языком государственных органов России и в международном общении, когда должен обеспечиваться перевод всех официальных документов, в том числе соглашений от имени Российской Федерации, на русский язык. Пример трудностей понимания русскими и иностранными дипломатами друг друга — возникшие в сентябре 2008 г. дипломатические разногласия между Россией и Францией по поводу плана мирного урегулирования конфликта в Южной Осетии. В русском тексте плана мирного урегулирования говорилось о безопасности «для Южной Осетии и Абхазии», в то время как во французской и английской версиях речь шла о безопасности «в» этих республиках. Таким образом, русский текст оправдывал создание «буферных зон» на грузинской территории, а английский и французский текст — нет. Статус России как постоянного члена Совета Безопасности ООН стал едва ли не главной причиной признания русского языка одним из обязательных рабочих языков ООН наряду с английским, французским, испанским, арабским и китайским.

Основная задача положений закона о необходимости использования государственного языка в деятельности государственных органов — обеспечить гражданам возможность понимать суть требований, которые предъявляют к ним государственные органы, и, наоборот, обеспечить государственным служащим понятность смысла обращений к ним граждан. Именно исходя из этого Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе»⁷ устанавливает требование об обязательном владении русским языком для всех государственных служащих. Само по себе это требование, исходя из сформулированных выше условий деятельности государственных органов, выглядит разумным и обоснованным,

⁶ *Определение* Верховного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 92-Г02-24. Документ опубликован не был. Доступен в СПС «КонсультантПлюс».

⁷ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

его следует считать оправданной мерой по обеспечению деятельности государственных органов в Российской Федерации на государственном языке. Правда, при этом остается ряд вопросов, ответы на которые выступают предметом правовых дискуссий.

Во-первых, не решен вопрос о возможности установления требований о знании русского языка для лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и субъектов РФ: Президента РФ, высших должностных лиц субъектов РФ, депутатов, судей и членов Правительства РФ, а также членов высших органов исполнительной власти субъектов РФ. Подобных требований действующее законодательство не устанавливает, порождая споры относительно того, не будет ли такое ограничение нарушать равноправие граждан и не будет ли оно дискриминацией по признаку языковой принадлежности. Дискриминацией считать это нельзя, поскольку разница между языковой принадлежностью и знанием языка зависит от того, какой язык для гражданина родной, какая национально-языковая культура для гражданина ближе и воспринимается как своя. Языковая принадлежность — это часть, элемент национальной принадлежности, тогда как знание языка — это способность использовать язык в качестве средства общения и передачи информации. Языковую принадлежность практически невозможно изменить, тогда как возможность использования языка — это определенные знания и навыки, которые можно приобрести. Требование знания языка вытекает из необходимости его использования в официальных сферах общения, и оно не может рассматриваться как необоснованное ограничение прав граждан. Фактически признал возможность такого подхода и Конституционный Суд РФ.⁸

Во-вторых, обязательное владение русским языком для служащих военной и правоохранительной службы, в отличие от гражданской служб, не установлено. Единственное исключение касается Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воин-

⁸ *Постановление* Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1998 г. № 12-П // СЗ РФ. 1998. № 18. Ст. 2063.

1. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РФ

ской обязанности и военной службе»,⁹ который предусматривает необходимость владения русским языком для военнослужащих по контракту. Сложно представить себе прохождение военной службы по призыву, службы в органах прокуратуры, милиции, в таможенных органах гражданином, не говорящим по-русски, как, впрочем, и человеком, чьи языковые познания ограничиваются только литературной нормой русского языка.

В-третьих, сложным остается вопрос о возможности введения требования об обязательном знании государственного языка республик служащими государственных органов республик. Федеральный закон о возможности введения законом субъекта РФ такого требования к служащим не предусматривает, однако сама природа государственного языка субъекта предполагает возможность введения таких требований. На практике квалификационное требование о владении языком республики для государственных служащих было предусмотрено законом Башкортостана в 2007 г.

Соотношение пределов использования общефедерального государственного языка и государственного языка республик в составе Российской Федерации остается одной из основных проблем российского законодательства о языках.

Предусмотренные Конституцией РФ (ст. 68), Законом РФ «О языках народов РФ» и комментируемым Законом нормы о возможности установления государственных языков республик в составе РФ и обязанности использовать их наряду с общефедеральным государственным языком России порождают ситуацию официального двуязычия. Ситуация осложняется тем, что во всех случаях официального употребления языка устная и письменная речь должна звучать и записываться одновременно в двух, притом одинаковых по смыслу, вариантах: на двух государственных языках.

Действующее федеральное законодательство никак не определяет конкретных правил двуязычия, но явно считает недопустимой ситуацию, когда федеральные органы государственной власти (их территориальные

подразделения) на территории республик будут использовать государственный язык РФ, а органы власти республик — государственный язык республики. Территориальные органы федеральной исполнительной власти используют только общефедеральный государственный язык; по крайней мере, предполагается, что на них законы субъектов РФ, в том числе и в области языка, не распространяются, а федеральное законодательство никаких исключений не предусматривает.

Органы государственной власти республик свою деятельность должны осуществлять параллельно на двух языках, что с практической точки зрения порождает определенные расхождения в правилах этого двуязычия. Редко в каких республиках законодатель готов закрепить норму, которая фактически не предоставляет никакой защиты государственному языку республики, как это сделано в Башкирии. Статья 10 Закона «О языках народов Республики Башкортостан»¹⁰ устанавливает, что работа в органах государственной и местной власти Республики Башкортостан осуществляется на русском языке, но в тех же органах и государственных учреждениях республики наряду с русским языком может употребляться башкирский язык. Подобную мягкость башкирского закона можно отчасти объяснить тем активным сопротивлением, которое встретил проект со стороны татарского населения Башкирии. В Башкирии этноязыковая ситуация сложна: 30% населения республики составляют татары, а в западной части республики их большинство, и даже этнические башкиры используют в повседневном общении татарский язык. Такую же неопределенность содержал утративший силу в 2003 г. Закон «О языках в Чувашской Республике»,¹¹ позволяя использовать любой из государственных языков — русский или чувашский. Однако чаще всего законодательство республи-

⁹СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

¹⁰Закон Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1999. № 8 (92). Ст. 472.

¹¹Закон Чувашской Республики от 27 октября 1990 г. №6/н // Законы и постановления Верховного Совета ЧР и его Президиума: Сборник. 1993.

ки устанавливает обязанность использовать республиканский государственный язык наряду с общегосударственным языком.

Когда речь идет об официальных правовых актах, никаких проблем не возникает: они готовятся и публикуются в виде двух параллельных текстов. При этом, например, в республике Татарстан закон направляется на подпись Президенту республики только после получения положительного заключения специальной комиссии Государственного совета о соответствии текста на русском языке тексту на татарском. Бюллетени на выборах и референдумах содержат параллельные тексты на двух языках.

Организовать заседания государственных органов с соблюдением равенства языков тоже нетрудно: достаточно предоставить законом право каждому выступающему говорить на любом языке и организовать синхронный перевод.

Сложнее всего обстоит дело с обеспечением прав граждан на использование любого языка при общении с государственными органами. Ряд законов субъектов РФ, учитывая зарубежную практику и нормы ст. 15 Закона РФ «О языках народов РФ», предписывает государственным служащим отвечать гражданину на том же языке, на котором он обратился в государственный орган, не ограничивая при этом даже права гражданина возможностью обращаться только на государственных языках. Подобные нормы были включены в Закон «О языках народов республики Татарстан»¹² (п. 5 ст. 14) и в Закон «О языках народов Республики Башкортостан» (п. 5 ст. 13), Закон «О языках в Чеченской Республике»¹³ (п. 5 ст. 11). Правда, такая схема не учитывает ситуации, когда инициативу в общении между государственным органом и гражданином проявляет государственный орган, и заранее предугадать, на каком языке следует к гражданину обращаться, должен государственный служащий. Такая ситуация была учтена при разработке

Закона «О государственных языках Республики Коми»¹⁴ (ст. 14), где было установлено, что при обращении к физическому лицу органы государственной власти и управления, их учреждения пользуются коми или русским языком в зависимости от желания физического лица.

В ряде законов республик в составе РФ подобные правила вообще не установлены (например, в республике Адыгея), что заставляет задуматься о том, насколько обеспечены законодательно в этом случае права граждан на использование государственного языка. Учитывая, что, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., более 2,5 млн жителей России не владеют русским языком, необходимо обеспечить права на использование государственного языка республики в общении с государственными органами.

На уровне федерального законодательства в комментируемом Законе и на уровне законодательства республик в составе РФ «потерялась» гарантия, которая была предусмотрена ст. 16 Закона РФ «О языках народов РФ». Гарантия состояла в возможности субъекта РФ устанавливать наряду с государственным языком дополнительный («официальный») язык в сферах официального общения и делопроизводства. Этот язык должен был обеспечивать права лиц компактно проживающей этнической общности, не имеющей государственного языка. Подобные гарантии предусмотрены Законом «О языках народов Республики Башкортостан» (п. 2 ст. 3), но забыты во многих других республиканских законах и лишены юридических оснований в тексте комментируемого Закона, который подобных гарантий не допускает.

Тем самым усиливается заложенное в ст. 68 Конституции неравенство субъектов РФ, которое могло быть смягчено установлением официальных языков в других субъектах, кроме республик. Получается, что Закон «О языках народов РФ» ограничивал неравенство субъектов РФ в праве устанавливать государственные языки и позволил его компенсиро-

¹² Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХІІ в ред. от 28 июля 2004 г. // Республика Татарстан. 2004. 3 авг.

¹³ Закон Чеченской Республики от 25 апреля 2007 г. № 16-рз // Вести Республики. 2007. 8 мая.

¹⁴ Закон Республики Коми 28 мая 1992 г. № 6/н // Красное знамя. 1992. 11 июня.

1. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РФ

вать другими возможностями по использованию языков. Тем самым национальные по существу субъекты РФ (автономная область и автономные округа), имеющие не меньше, чем республики, оснований претендовать на необходимость использования второго языка в официальном делопроизводстве, этого права лишены. Видимо, можно было бы не признавать необходимым установление официальных языков в субъектах, лишенных национального характера и образованных исключительно по территориальному принципу (края, области, города федерального значения). Однако в этом случае совершенно игнорируются права компактно проживающих на территории таких субъектов национальных меньшинств, притом что удельный вес общин национальных меньшинств в населении такого субъекта (например, около 12% татар в Ульяновской области) зачастую выше, чем удельный вес титульных наций в некоторых национальных субъектах (1,1% ханты и 0,7% манси в Ханты-Мансийском автономном округе).

Важным вопросом самостоятельности республик в установлении своих государственных языков остается вопрос графической основы этих языков. Закон РФ «О языках народов РФ» предусмотрел возможность использования только одной графической основы — кириллицы. Графическая основа русского языка как общефедерального государственного языка определяет графическую основу всех государственных языков в России. Как указал Конституционный Суд в Постановлении от 16 ноября 2004 г. № 16-П,¹⁵ это обусловлено рядом исторических и культурных причин (очевидно, имелось в виду языковое строительство 1930-х годов и дальнейшее развитие этой политики в 1940-х годах), обеспечивает единство государства, способствует сохранению культурных традиций и культурных ценностей. Подобные аргументы сложно считать убедительными, тем более что для некоторых языков (например, карельского или финского) при использовании их как государственных фактически требуется разработка новой графической основы письменности.

¹⁵СЗ РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.

Выступая оплотом национальной культуры, язык становится обязательным для употребления, помимо официального использования, в ряде других сфер как символ государства, средство обеспечения национального и культурного единства страны.

Государство обеспечивает гражданам равенство прав независимо от языковой принадлежности и гарантирует право на использование, изучение и развитие всех языков. Такие права гарантируются Конституцией РФ (ст. 26, ч. 3 ст. 68) и Законом РФ «О языках народов РФ». Сфера свободного использования должна обеспечить права и личности, и нации на сохранение своего языка как элемента национальной культуры, государственный язык не может монополизировать сферы неофициального общения, для других языков должны обеспечиваться гарантии их сохранения.

Языки, диалекты и говоры народов России — это культурные ценности, защита и охрана которых предполагается Основами законодательства РФ о культуре от 9 октября 1992 г. № 3612-1.¹⁶ Целью принятия многих законов республик в составе РФ стала защита языков титульных наций этих республик как культурной ценности: например, в Законе «О языках народов Республики Калмыкия»¹⁷ подчеркивается, что на органах власти республики лежит забота о сохранении, возрождении и развитии калмыцкого языка. В Чеченской Республике 23 апреля ежегодно, начиная с 2006 г., стал проводиться день родного языка, органами власти республики поощряется издание оригинальных и переводных книг, в том числе детских, на чеченском языке. Защита языков и защита прав граждан на использование не русского, а других языков народов России должна обеспечиваться законодательно. Обязательное использование государственного языка не должно представлять собой угрозу сохранению культурно-языкового многообразия России.

В этом отношении отдельные законодательные акты представляют собой два направления правового регулирования: Закон РФ «О языках народов РФ» направлен на

¹⁶Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.

¹⁷Закон Республики Калмыкия от 27 октября 1999 г. № 30-П-3 // Известия Калмыкии. 1999. 18 нояб.

защиту и гарантии использования негосударственных языков, а комментируемый Закон призван законодательно обеспечить статус именно государственного языка РФ.

В стране доминирует определенная этноязыковая культура, единство которой поддерживается государством в целях обеспечения его единства и целостности. Язык часто воспринимается как официальный символ, а искажение норм языка или отказ от него — едва ли не как покушение на основы государственности. С этой точки зрения, придание языку статуса государственного — наилучшее средство его защиты, обеспечения сохранения, развития и изучения.

Однако придавая языку статус обязательного, государство обязано обеспечить необходимые условия его функционирования в таком качестве. Необходимо создать условия для утверждения официального стандарта языка (о чем пойдет речь чуть ниже) и обеспечения возможности его постоянного развития (в том числе разработки новой лексики в связи с развитием науки и техники). Нужно обеспечить возможность изучения государственного языка в общеобразовательных школах, изучения языка представителями национальностей, для которых это не родной язык, обеспечить использование государственного языка в официальных сферах, когда необходимо гарантировать право на перевод (например, для участия граждан, не владеющих государственным языком, в судебных заседаниях), и т. п. К сожалению, комментируемый Закон скорее построен на принципах принудительности использования языка как правовой обязанности всех жителей России и практически не уделяет внимания (если не считать перечисления абстрактных возможных мер по защите и поддержке государственного языка в ст. 4 Закона) обязанностям государства.

На уровне субъектов были попытки включить в законодательство меры государственной поддержки, государственной защиты и обеспечения государственного языка (притом общефедерального государственного языка). Примером может быть Закон «О защите русского языка на территории Калининградской

области»,¹⁸ в котором предусматривалась обязанность государства обеспечить возможность обучения на государственном языке Российской Федерации и ряд других мер. Однако справедливости ради нужно отметить, что основную часть Закона составляли все те же законодательные меры усиления обязательности применения государственного языка, в том числе юридически неприемлемое расширение сфер обязательного использования русского языка, например его употребление при заключении гражданско-правовых сделок. Именно на подкрепление обязательности, а иногда и на обеспечение ее с помощью штрафных санкций были направлены и другие региональные законы. В Вологодской и Псковской областях в 1990-е годы были приняты законы об обязательном применении государственного языка РФ в написании наименований коммерческих и некоммерческих организаций. В 2003–2004 гг. эти законы были отменены, однако комментируемый Закон отчасти эту нишу заполняет, требуя использования государственного языка РФ в наименованиях организаций всех форм собственности.

Ряд положений комментируемого Закона распространяют обязательность русского языка на частные сферы, сужая возможности использования в них других языков и создавая условия культурного доминирования русского языка, не оправданного необходимостью защиты прав граждан в официальной сфере.

Комментируемым Законом предписывается ведение делопроизводства на государственном языке и его использование в наименованиях организаций независимо от формы собственности. В научной литературе давно идут споры¹⁹ относительно того, вытекает ли из подобных требований обязательность составления всех гражданско-правовых договоров организаций, работающих в России, только на русском языке. Учитывая, что это касается и представительств иностранных компаний, и российских организаций, которые

¹⁸ Закон Калининградской области от 22 февраля 1996 г. № 36 // Янтарный край. 1996. 14 марта.

¹⁹ Семенов М. И. Письменная форма сделок // Право и экономика. 2002. № 8; Белопольский Э. Язык ничтожной сделки // Бизнес-адвокат. 1997. № 22.

1. ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РФ

ведут внешнеэкономическую деятельность, подобная обязательность стала бы серьезным обременением для бизнеса. К сожалению, судебной практики по этому вопросу нет, нормы комментируемого Закона остаются весьма расплывчатыми и допускающими разное толкование, а установление таких обязанностей в региональных нормативных актах (подобных Закону «О защите русского языка на территории Калининградской области») явно выходит за пределы ведения субъектов РФ. Принцип защиты прав граждан на использование любого языка в неофициальных сферах общения позволяет настаивать на возможности использования любого языка для составления договора. Если потребуется судебная защита прав, вытекающих из такого договора, в российском суде, представление его будет подчиняться российским требованиям языка судопроизводства, так как в этом случае договор попадет в официальную сферу.

При использовании государственного языка в делопроизводстве организации остается открытым вопрос о соотношении общегосударственного государственного языка и государственных языков республик в составе РФ. Неоднозначным, в частности, остается толкование п. 6 Правил ведения и хранения трудовых книжек, изготовления бланков трудовой книжки и обеспечения ими работодателей,²⁰ который предусматривает в республиках — субъектах РФ, установивших свои государственные языки, возможность ведения трудовых книжек одновременно и на государственном языке Российской Федерации, и на государственном языке соответствующей республики. Порядок внесения записей на государственном языке республики не определен, поэтому каждый работодатель может вносить записи в трудовую книжку по своему усмотрению, руководствуясь своим правосознанием и здравым смыслом, либо может попытаться получить разъяснение в официальных органах государственного управления в сфере труда.

Совершенно из других принципов исходит комментируемый Закон, устанавливая обязательность использования русского языка в

целях защиты прав потребителей. Здесь государственный язык используется прежде всего как язык, понятный всем гражданам (или их большинству). Его функции никак не связаны с официальным олицетворением государства, а направлены исключительно на защиту интересов жителей России. В этом отношении подспорьем комментируемому Закону служат другие законы, непосредственно регулирующие отношения в соответствующих областях. Во-первых, это ст. 8 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»,²¹ которая требует предоставления информации о товаре на русском языке. Во-вторых, это п. 5 ст. 5 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»,²² который запрещает использование в рекламе иностранных слов и выражений, которые могут привести к искажению смысла информации.

При применении Закона РФ «О защите прав потребителей» суды исходят из того, что если какая-то информация о товаре, хотя бы и выполненная на иностранном языке, не мешает получить представление об общем предназначении товара и его потребительских свойствах, то это не следует расценивать как нарушение законодательных требований.²³

Трактовка Закона РФ «О рекламе» антимонопольными органами, как правило, более строга. Например, в Дагестане и в Ростовской области антимонопольные органы потребовали сменить вывески и рекламные плакаты на иностранном языке, а в ряде случаев применили штрафы к предпринимателям, причем каждым третьим случаем было распространенное объявление о распродаже товаров со скидками — «SALE». Практика применения Федерального закона «О рекламе» показывает, что общее правило комментируемого Закона о необходимости дублирования иностранных слов и выражений русскими, направленное на защиту права потребителя понять смысл рекламы, заменяется запретом на использование любых иностранных слов (кроме зарегистри-

²⁰ *Постановление* Правительства РФ от 16 апреля 2003 г. № 225 // СЗ РФ. 2003. № 16. Ст. 1539.

²¹ *Ведомости СНД и ВС РФ*. 1992. № 15. Ст. 766.

²² СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

²³ См., напр.: *Постановление* ФАС Центрального округа от 10 ноября 2004 г. по делу № А36-39/11-04.

рованных товарных знаков и в некоторых случаях — фирменных наименований организаций, указание на которые вообще к рекламе не относится). Такое требование скорее выглядит ограничением проникновения в отечественную повседневность нерусских слов, а вслед за ними — иностранных компаний, продукции. Это уже мера по защите этнокультурной среды и в некоторой степени мера по защите отечественных производителей.

Защита этнокультурной языковой среды осуществляется и с помощью требования об использовании русского литературного языка (за исключением случаев особого художественного замысла) во всех средствах массовой информации.

Предусмотренная комментируемым Законом возможность оправдать отступление от стандарта государственного языка художественным замыслом наиболее наглядно демонстрирует, что в Законе происходит смешение официальных, государственных и общественных функций русского языка. Используя — о чем уже говорилось выше — статус государственного языка в целях обеспечения его культурного доминирования, Закон лишается определенной цельности. В официальных сферах используется официально-деловой стиль языка, который исключает наличие какого-либо художественного замысла; напротив, там, где есть художественный замысел, вообще не место государственно установленным стандартам языка.

Как это ни парадоксально, в комментируемом Законе оказалась совершенно упущенной из виду одна из самых важных сфер обязательного использования государственного языка — образование. Именно образование лежит на стыке государственно-официальной сферы использования языка (поскольку образование осуществляется главным образом через государственные учреждения, проводящие единую политику, в том числе языковую) и общественной сферы. Именно в образовании государство может реализовать свою политику по защите, обеспечению использования и развития языка, по внедрению в общественное сознание стандарта литературной нормы государственного языка.

Стандартизация языковой нормы — это отдельная проблема, лишь отчасти связанная со статусом языка как государственного. Регулирование языковых норм правовыми актами встречает множество трудностей.

При стандартизации лексики нужно учитывать, что язык как средство повседневного общения — явление постоянно изменяющееся, живое и уложить его в прокрустово ложе стандарта — значит законсервировать, оторвать норму от жизни и сделать ее фиктивной, лишить язык живости и образности, превращая его в сухой канцеляризм.

При стандартизации грамматического строя языка возникает обратная проблема. Однажды установленный грамматический стандарт проникает в структуру языка и в некотором смысле даже оказывает влияние на способы мышления. Сложившиеся правила орфографии и пунктуации изучаются в школах, и грамотный взрослый человек всегда болезненно, а чаще всего враждебно воспримет любые попытки со стороны государства реформировать правописание. Поэтому-то реформы правописания успешны, как правило, только во время глобальных революционных потрясений, ломающих все общественное устройство. Радикальные реформы правописания в России были успешно реализованы при Петре I и в революционное время 1917–1918 гг. нормативными актами государственных органов. Гораздо более скромные попытки реформ в России начала 2000-х годов вызвали резко негативную общественную реакцию.

Комментируемый Закон не проводит различия между утверждением лексического стандарта и стандарта орфографии языка. В этом отношении он полностью развязывает руки государственным ведомствам и академическим организациям, которые с конца 1990-х годов готовят реформу правописания русского языка.

Орфографический стандарт в настоящее время сохраняется в «Правилах русской орфографии и пунктуации», которые были разработаны Академией наук СССР, утверждены Министерством высшего образования СССР и введены в действие Приказом Министра просвещения РСФСР 23 марта 1956 г.

№ 94.²⁴ Многие признают, что этот стандарт устарел, и давно назрела необходимость его пересмотра, тем более что даже в изданиях словарей наиболее авторитетного академического учреждения — Института русского языка РАН — допускаются отдельные отступления от этого стандарта.

Закон предполагает необходимость формализации языковой нормы в связи с необходимостью ликвидации разночтений по вопросам грамматики современного русского языка. Характерным примером может послужить проблема использования в официальных документах буквы «ё» — седьмой буквы русского алфавита. В случаях, когда, например, фамилия должна писаться через «ё», она может быть написана через «е», и доказать, что речь идет об одном и том же человеке, может быть непросто.

Действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. в отношении ряда правил, в том числе использования буквы «ё», формулируют очень мягкие и расплывчатые требования. Писать «ё» вместо «е» нужно, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, указать произношение малоизвестного слова, в специальных текстах и словарях для указания места ударения и правильного произношения. В 2008 г., по сообщениям информационных агентств, в Перми, Барнауле, Архангельске, Мурманске и в республике Чувашия у граждан возникали проблемы с оформлением паспортов и иных документов о гражданстве, получением наследственного имущества по завещаниям, выезда за границу с несовершеннолетними детьми и т. д. В судебной практике эта проблема тоже остается нерешенной: в тех случаях, когда речь идет о написании товарного знака «Бочкарёв», буквы «е» и «ё» могут считаться равнозначными,²⁵ но когда разночтения могут возникнуть в отношении текста решения суда, отождествление этих букв не допускается.²⁶ В нормативных правилах

делопроизводства разных государственных органов эта проблема решается по-разному.

В отношении состава кириллического алфавита как графической основы русского языка нет юридической определенности. Реформы правописания и правила, которые вводились в отношении отдельных вопросов (Декрет Народного Комиссариата по просвещению от 23 декабря 1917 г. «О введении нового правописания»,²⁷ Приказ Народного Комиссариата по просвещению от 24 декабря 1942 г. № 1825 «О применении буквы “ё” в русском правописании»,²⁸ «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г.), содержали отдельные указания относительно использования разных букв русского алфавита, но ни один из них не утверждал единого сводного перечня используемых букв. В связи с этим представляется спорной позиция судов, которые подтверждают правомерность применения административных штрафов за написание русских слов с использованием латинских букв.²⁹ В условиях нечетко сформулированных правил написание названия какой-нибудь организации через *i* («и десятеричное») может в равной степени рассматриваться как использование латинского алфавита и как возврат к старой орфографии русского языка (пропагандируемой, в частности, Русской Православной Церковью). В ряде субъектов РФ используется свой вариант кириллического алфавита (например, татарский установлен законом Республики Татарстан в 1997 г.), и в хакасском варианте кириллицы, например, сохранилась буква *i*. Неопределенность усиливается и тем, что Декрет 1917 г. обязывал использовать новые правила только государственные организации, Закон РФ «О языках народов РФ» обязывает использовать кириллицу, не уточняя состав алфавита, а Федеральный закон «О рекламе» требует использования русского языка, ничего не говоря о его графической основе.

Очевидно, что проблемы определенности правил использования букв требуют официального, нормативно утвержденного стандарта русского языка, роль которого «Правила рус-

²⁴Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

²⁵Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14 декабря 2004 г. № А56-39406/03.

²⁶Определение Нагатинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы от 30 августа 2005 г. // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 1.

²⁷СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 176.

²⁸Доступен в СПС «КонсультантПлюс».

²⁹Решение ФАС Западно-Сибирского округа от 3 мая 2007 г. № Ф04-1738/2007.

ской орфографии и пунктуации» 1956 г. уже играть не могут. Комментируемый Закон для решения этой проблемы предоставил Правительству РФ полномочие по определению порядка утверждения норм русского языка, а Правительство в Постановлении от 23 ноября 2006 г. № 714 возложило функции по утверждению языкового стандарта на Министерство образования и науки. Министерству следует утвердить перечень грамматик и словарей, описывающих норму русского языка, которая может использоваться в официальных сферах. В настоящее время перечень не утвержден.

При утверждении орфографического стандарта нужно понимать, что реформа правописания способна вызвать резкий протест общественности. Попытки проведения реформы правописания немецкого и французского языков, которые были предприняты в конце 1990-х — начале 2000-х годов, потерпели неудачу из-за массового неприятия этих перемен.

Другая проблема — это утверждение лексического стандарта языка. Любой язык имеет, как правило, множество разных речевых стилей и вариантов языковых норм — от региональных диалектов до профессиональной или табуированной лексики. Провозглашение Конституцией РФ государственным языком русского языка открывает дорогу использованию в официальных сферах общения всего многообразия языковых элементов и речевых стилей, включая так называемую «ненормативную лексику». Опасность возможности подобного толкования Конституции стала одной из причин появления в комментируемом Законе ряда норм, которые конкретизируют конституционные положения. Закон сужает возможность использования русского языка в качестве государственного до возможности употребления только современного литературного языка в соответствии с нормами, порядок утверждения которых определяет Правительство. В сферах использования русского языка как государственного его употребление в том варианте, который выходит за пределы литературной нормы, запрещается.

Комментируемым Законом установлен запрет на использование иностранных слов и

выражений (в случае наличия русского аналога) при употреблении русского языка как официального. Эта мера, вызвавшая самое живое обсуждение в Государственной Думе при принятии Закона, была предпринята для защиты государственного языка от использования специальных терминов, заимствованных из других языков и непонятных для большинства граждан.

Наличие общеупотребительного аналога — требование, практически не выполнимое в современных условиях. Трудно найти два слова в разных языках (за исключением слов, обозначающих простые предметы: *вода, дерево, стул* или *собака* — да и то только в прямом смысле), чьи значения (семантические поля) полностью совпадали бы; заимствования редко бывают абсолютно бесосновательными. Трудности, с которыми столкнутся составители общенормативного словаря, жестко регламентирующего употребление или неупотребление того или иного иностранного слова, едва ли будут преодолимы³⁰. В то же время большинство современных областей науки и техники нуждается в специальной работе по разграничению до-

³⁰Проблема защиты русского языка от иностранных заимствований активно обсуждалась еще в начале XIX в. Недаром Пушкин в романе «Евгений Онегин» неоднократно про них упоминает. См., напр., гл. 1, XXIV:

...Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами, —
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

Пушкин имеет в виду изданный в конце XVIII века «Словарь Академии Российской» — первый толковый академический словарь русского языка, положивший начало традициям русской нормативной лексикографии. Пушкин упоминает в романе (гл. 8, XIV) как борца за чистоту русского языка А. С. Шишкова — президента Российской Академии, министра народного просвещения и главу цензурного ведомства. Уже тогда осознавались трудности, связанные с «защитой» языка, и опасности дойти до крайностей по этому пути. Позднее широкое распространение получил высмеивающий пуристические устремления анекдот, в котором пародийно использовались «мокроступы» вместо «галоши», а вместо «франт идет по тротуару из театра» малопонятное и неуклюжее «хорошилище грядет по гульбищу из ристалища».

пустимых и недопустимых к употреблению иностранных слов, как это было сделано во Франции в 1990-е годы.

В этих условиях странно выглядит то, что запрет не касается малоупотребительных слов из профессиональных сленгов, региональных диалектов и других ограниченных в использовании речевых форм. Поставив перед собой задачу утвердить в качестве государственного языка, понятный практически всем гражданам, законодатель не должен был ограничиваться только проблемой иностранных заимствований.

Мера по запрету использования иностранных слов направлена на защиту русской этнокультурной среды от влияния западноевропейской и американской культуры. Государственный язык выступает символом единства и независимости государства. Защита русского языка от мировой глобализации направлена на то, чтобы защитить и продемонстрировать культурную самобытность России. В этом отношении нормы комментируемого Закона в условиях современного информационного общества не только неэффективны, но и нелепы. Вряд ли можно говорить об угрозе исчезновения русской культуры, а подобные меры — не что иное, как антиглобализм и стремление к культурной изоляции, культурному пуризму.

Другая проблема лексической стандартизации государственного языка — это проблема особенностей профессиональной лексики, используемой представителями различных государственных ведомств в целях осуществления государственного управления в разных областях. Профессионально-ведомственные языки — языки военных, медиков, экономистов и т. д. — малопонятны большинству обывателей, и никакими стараниями при составлении словарей стандарта русского языка эти трудности не могут быть преодолены.

Даже язык законов и иных нормативных правовых актов изобилует специальной юридической лексикой: многочисленными терминами и понятиями, часть из которых унаследована еще от римского права. Значение этих терминов, как правило, четко определено, и юристы не могут без них обойтись, однако считать слова

оферта и *акцент* частью общепринятого стандарта русского языка едва ли оправдано.

Отдельная проблема — это стандартизация других государственных языков, помимо русского языка. В этом случае споры могут начаться уже с обсуждения вопроса о существовании языка. При обсуждении Закона «О языках в республике Марий Эл»³¹ очевидным препятствием на пути его принятия стали лингвистические споры о языках горных и луговых мари: считать ли их самостоятельными языками или диалектами одного языка? Четких критериев в современной лингвистике не разработано, поэтому споры носили характер борьбы не столько за собственно языковые права, сколько за отстаивание своей культурной обособленности представителями каждой этнической группы.

Таким образом, отечественное языковое законодательство нуждается в более четко сформулированных принципах, определяющих цели правового регулирования статуса государственного языка, и более четко очерченных сферах его обязательного использования. В этом отношении заслуживает безусловного внимания идея, сформулированная еще в 1953 г. экспертами ЮНЕСКО по языковым вопросам. Следует разделить понятие национального языка — языка культурного, символизирующего и воплощающего государственное единство страны, использование которого может превалировать во многих общественных сферах в силу культурных традиций, и официального языка — языка, который будет употребляться главным образом в официальных сферах, для обеспечения работы государственных органов. Для официального использования должна быть установлена определенная языковая норма, определенный стиль языка, соответствующий целям официального общения, тогда как меры по поддержке национального языка в меньшей степени должны основываться на требовании обязательности его использования и в большей — обеспечиваться общей сбалансированной политикой государства в культурно-языковой сфере.

³¹ Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 г. № 290-III «О языках в Республике Марий Эл» // Марийская правда. 1995. 14 нояб.